

18+

ВАДИМ НИКИФОРОВ

РУБЛЬ ПЯТЬДЕСЯТ

Вадим Никифоров

Рубль пятьдесят

<https://litres.ru/74503573>

ISBN 9785007127837

Аннотация

Ленинград семидесятых. Город, где время, кажется, застыло в ожидании перемен, а воздух пропитан запахом дешевого портвейна и несбыточных надежд. Главный герой, невольный «путешественник» в чужой жизни, пытается понять правила этой игры: как выжить в среде, где каждый шаг может стать последним, а цена спасения — привычные полтора рубля.

Рубль пятьдесят

Вадим Никифоров

© Вадим Никифоров, 2026

ISBN 978-5-0071-2783-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На ладони лежали монеты. Тридцать копеек копейками, двадцать копеек монетой, и рубль. Юбилейный. Семьдесят лет что-то там. С профилем Ленина. Кто такой Ленин, он помнил из школы. Кажется, он победил во Второй мировой. В которой одни воевали с другими, а кто с кем, он уже не запомнил.

— Мужчина, берете?

— А, да. Мне портвейн...

Вышел на улицу. Подозрительный Невский. В начале машина, в конце две машины, и всё.

Сел на лавочку. Пробка из алюминия. Дёрнул за язычок. Тот оторвался.

— Попробуй зубами, — какой-то подсел на скамейку, — давай я открою.

Ловко открыл, протянул:

— На, ты первый, — что подразумевало, что он претен-

дует.

Отпил. Теплота потекла по пищеводу, опережая сознание. Что голосило: «Нельзя! Это яд!»

— Я Андрюха. А ты?

Протянул свою слабую руку:

— Иван.

— Ну и имя. Ну, будем!

Андрюха отпил полбутылки. Мутный портвейн заискрился на солнце. Вот и до мозга дошло.

— Ну чего, закусим курятиной?

— Что?

Андрей протянул сигареты.

— Не мальборо, но Урицкого. Это не Цеткин тебе.

Одна сигарета. Она повредит много клеток, но уже не имеет значения. На башне часы стояли на двух. Они там стояли, когда он зашел в магазин.

— Не смотри, они там стоят с революции. Время без четверти. Ты как, куришь?

Напор ошеломительный. Взял машинально, машинально втянул в себя странную смесь табака и опилок, закашлялся.

— Какой-то тыдохлый. Ничего. Щас полечим, — глотнул, передал.

Тоже выпил.

Портвейн растекся по закоулкам. Закоулки один за другим онемели.

— Ну ладно, братан. Допиваем, да и я побегу. Или еще на

одну? У меня есть полтинник.

Портвейн стоил рубль пятьдесят. Самый дешевый, как учили на инструктаже. Он уже должен подействовать.

— Ладно, — с приятным теплом от портвейна приходило приятное чувство. Что плевать на инструкции, на осенний день в Ленинграде, на Невский почти без машин, на Андрюху.

— Давай, схожу? Рубль добавишь?

Добавил. Последний. Если портвейн не подействует, вернуться не выйдет. Но так хорошо...

Очутились в какой-то квартире, где хозяйка цвела от Андрюхи, а подруга хозяйки смотрела двусмысленно на человека, который упал на диван и растекся от нежности к миру.

— Вы бледный какой-то. Ира. А вас как зовут?

— Ваня...

— Ваня, давайте я вам водички...

Склонилась так близко, что грудь придавила его, и он еле дышал.

— Не надо водички... дайте дышать...

А потом были водка и танцы. Зазвучала красивая музыка из устройства, в которое надо класть черные диски, на них белую палочку, щелкать переключателем, и...

Он обещал себе, что потом все запишет. Что эта задержка — специальная. Он антрополог, и просто обязан погружаться в среду для изучения...

Утром очнулся с той женщиной.

— Ваня, ты спи... Сон лечит...

Похмелье звало выпить водки. Прямо потянуло к стакану.

Все восставало против этого, но похмелье сильнее.

Он встал, взял бутылку, налил полстакана.

— Братан, — донеслось откуда-то снизу. Из под стола протянулась рука со стаканом:

— Налей...

Там был Андрюха. Женщина, что обожала его, с ним поругалась и хлопнула дверью. Он уснул под столом. Женщина Ира затащила Ивана в постель. Что происходит?

В окно постучал воробей:

— Номер 13, вы пропустили окно возвращения. Немедленно...

— Кыш!.. Подоконник засрут, а ты мой... — это вернулась Андрюхина женщина. С пивом. Андрюха встал на колени:

— Прости, дорогая...

— Что ты вчера говорил? Ты не помнишь? А, ты же не помнишь! А раз так, то пиво Ивану. Он хоть приличный, не то что...

Иван разрывался между номер тринадцать и жаждой. На Жигулевском написано: Пиво, но нутром понимаешь, что это спасение, этот ответ всему существу: я человек. Я свободен. Я гость в этом мире, я все могу...

Выпил пиво.

Прошла голова. Появилась свобода в движениях. Ира ушла по-английски. Видимо, что-то было не так прошлой ночью. Надо в отчете отметить этот момент.

— Ну братан, я погнал.

— Э, забирай своего! Мне тоже пора на работу!

Все засобирались, а он понимал, что сейчас он один во всём мире... Вот бы тот воробей повторил сообщение...

Вышли, и каждый пошел в свою сторону. Он брел прямо. Микрорайоны менялись, пейзаж не менялся. У Ленинграда окраины — такая особенность. Мерзость однообразия, так же в стиле: все серое, но еще гаже. Когда возвращаешься в центр, как-то легче. Многие здесь живут, потому что есть центр, где как-то легче. Зачем?

Он на Невском. Опять. Выйдет фокус с портвейном — он вернется домой, не выйдет — он труп. В семидесятых не выживают. Все, кто жили в семидесятых — мертвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.